

Я. Лейб

Сафрут

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я11

Я11 **Я. Лейб**
Сафрут / Я. Лейб – М.: Книга по Требованию, 2014. – 206 с.

ISBN 978-5-517-83331-0

Сафрут. Литературно-художественны сборник.

ISBN 978-5-517-83331-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

★

Х. Н. ВЯЛИКЪ

ГАЛАХА И АГАДА

★

ГАЛАХА И АГАДА

У Галахи—лицо суровое, у Агады—улыбающееся. Первая педантична, строга, тверда какъ желѣзо—сфера справедливости; вторая — уступчива, снисходительна, мягка — сфера милосердія. Первая дастъ властныя велѣнія и опредѣляетъ точную мѣру ихъ выполненія: ея требованія и запреты — строго категоричны. Вторая увѣщаетъ, соразмѣряясь съ человѣческими силами и склонностями: ея «да» и «нѣтъ» одинаково не настойчивы. Первая — внѣшность, матерія, дѣйствіе; вторая — сокровенность, духъ, — душевное напряженіе. Тутъ окаменѣвшій консерватизмъ, долгъ, порабошеніе; тамъ непрерывное обновленіе, свобода, добрая воля. Таковы Галаха и Агада въ жизни. Въ литературѣ же Галаха характеризуется своей прозаической сухостью, сжатымъ и устойчивымъ стилемъ, тусклымъ языкомъ, — господствомъ разума, Агада же — поэтическимъ ароматомъ, стремительнымъ и подвижнымъ стилемъ, многоцвѣтнымъ языкомъ — сферой непосредственнаго чувства.

Линію такихъ различительныхъ признаковъ между Галахой и Агадой можно продолжить до безконечности, и въ каждомъ изъ нихъ будетъ заключаться извѣстная доля правды, но вытекаетъ ли отсюда, какъ многіе полагаютъ, что Галаха и Агада являются двумя противоположными, соперничающими началами?

Сторонники этого взгляда смѣшиваютъ предметъ съ его состояніями и форму съ матеріей, напоминая собою гѣхъ, кому ледъ и вода представлялись двумя различными элементами. На самомъ дѣлѣ Галаха и Агада также являются ни чѣмъ инымъ, какъ двумя единымъ элементомъ, — двумя ликами одного и того же существа. Онѣ относятся другъ къ другу, какъ слово — къ мысли и чувству или какъ дѣйствіе и конкретный образъ относятся къ слову. Галаха есть кристаллизованная Агада, ея обязательный конечный выводъ; Агада же, въ свою очередь, есть раствореніе Галахи. Трепещущій голосъ запросовъ сердца въ ихъ порываніи къ вождедѣнной цѣли — это Агада; мѣсто отдохновенія, временное удовлетвореніе и утоленіе этихъ запросовъ — это Галаха. Сновидѣніе тяготеетъ къ своему разрѣшенію, желаніе — къ дѣйствию, мысль — къ слову, цвѣтъ — къ плоду, а Агада — къ Галахѣ. Но и плодъ уже таитъ въ себѣ зерно новаго цвѣтенія. И Галаха, возвышаю-

щаяся до степени символа — а таковая существует, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго — сама становится источникомъ новой Агады. Живая и здоровая Галаха есть Агада въ прошломъ или будущемъ, и наоборотъ. Ихъ начала и концы заложены другъ въ другѣ. Что, въ сущности, представляютъ собою всѣ 613 постановленій еврейской религии, если не полученную въ результатѣ длительного очистительнаго процесса квинтъ эссенцію древняго міѳа, легендъ и обычаевъ — живой Торы, Торы сердца и усть, какъ бы витавшей въ воздухѣ въ продолженіе ряда тысячелѣтій до наступленія періода ея кристаллизаціи въ видѣ законовъ, вырѣзанныхъ на камнѣ и начертанныхъ на пергаментѣ? Ученіе о жертвоприношеніяхъ, о ритуальной чистотѣ и нечистотѣ, о запрещенныхъ яствахъ коренится въ жреческомъ миѳѣ; воспоминательные обряды связаны съ національно-историческими сказаніями, а заповѣди объ отношеніи къ ближнимъ съ чувствомъ справедливости и состраданія, жившимъ въ сердцѣ народа и получившимъ свое выраженіе въ устахъ его пророковъ. Но и будучи записанными, онѣ все же еще не окаменѣвали, ибо на самомъ дѣлѣ «Тора сердца и усть» ни на минуту не прекращала своего существованія, а ея живое и подвижное дыханье постоянно колыхалось и вѣяло надъ Писаніемъ, оживляя, расширяя или суживая его, а иногда и отмѣняя его, на время или навсегда, въ зависимости отъ новыхъ потребностей или даже отъ новыхъ идей и вѣрованій. Не только «Моисей установилъ, а пророкъ Іезекіиль отмѣнилъ» — какъ указывается въ Талмудѣ, но даже нѣкій «Даніиль Хаята» не постѣснялся рѣзко отозваться объ одномъ строгомъ запретѣ* Пятикнижія, надѣясь, что когда-нибудь онъ будетъ отмѣненъ.

Процессы растворенія и кристаллизаціи въ Галахѣ и Агадѣ особенно рельефно обнаруживаются въ періоды «переворотовъ» и

* Въ виду особой рѣзкости его словъ, я ихъ приведу тутъ полностью. «Мидрашъ-Рабба» и «Когелетъ-Рабба» останавливаются на слѣдующемъ мѣстѣ изъ Экклезіаста: «опять видѣлъ я всякія угнетенія, какія совершаются подъ солнцемъ: и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ», и отъ руки угнетающихъ ихъ — насиліе, а утѣшителя у нихъ нѣтъ». Даніиль Хаята относитъ эти слова къ положенію незаконнорожденныхъ, и толкуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «и вотъ слезы угнетенныхъ» — ихъ родители грѣшили, почему же эти несчастные обречены на страданія? Отецъ совершилъ прелюбодѣяніе и далъ ему жизнь — чѣмъ же сынъ согрѣшилъ? (Почему же Пятикнижіе считаетъ его отверженнымъ отъ его народа?) «и отъ руки угнетающихъ ихъ — насиліе» — отъ руки высшаго суда во Израилѣ, отвергающаго ихъ силой закона Торы; «а утѣшителя у нихъ нѣтъ» — сказалъ Господь: мнѣ надлежитъ ихъ утѣшать, ибо въ здѣшнемъ мірѣ они осквернены, а въ грядущіе дни сбудутся слова пророка Захаріи, сказавшаго о нихъ: «я вижу свѣтильникъ изъ чистаго золота».

конституирования новыхъ законовъ. Потерявшая свою цѣнность старая Галаха снова какъ бы опускается въ горнило сердца и растворяется въ Агаду, подобную или даже исподобную ей; послѣдняя-же возвращаясь оттуда въ рафинированномъ видѣ, отливается въ формы и дѣйствія, въ которыхъ она снова кристаллизуется въ Галаху, исправленную или обновленную. Галаха является, такимъ образомъ, не меньшимъ творчествомъ, чѣмъ Агада. Ея искусство самое великое въ мірѣ искусство жизни и проложенія жизненныхъ путей. Ея матеріаль — живой человѣкъ со всѣми свойствами его души; ея орудіе — индивидуальное, общественное и національное воспитаніе; ея плоды — послѣдовательная цѣпь красивой жизни и красивыхъ дѣйствій, протореніе жизненнаго пути сквозь лабиринтъ индивидуальных и социальныхъ противорѣчій, достойное пребываніе человѣка на землѣ, улучшенный *укладъ жизни*. Ея произведенія не объединены и не сконцентрированы въ матеріалѣ, времени и мѣстѣ, подобно произведеніямъ другихъ искусствъ, какъ, напримѣръ, скульптуры, живописи, архитектуры, музыки или поэзіи. Мало по малу и штрихъ за штрихомъ они вырисовываются изъ всего комплекса жизненныхъ проявленій человѣка, дающихъ въ результатѣ общій итогъ, единую совершенную или не совершенную картину: Галаха есть воспитательное искусство, искусство — педагогъ для цѣлаго народа, и всѣ ея начертанія въ народной душѣ, какъ крупныя, такъ и мелкія, продиктованы вдохновеніемъ и высшей, прозорливой мудростью. День за днемъ и часъ за часомъ она усердно работаетъ надъ осуществленіемъ лишь единаго образа Божьяго въ человѣкѣ. Кельнскій Соборъ, Миланскій Соборъ, Notre Dame de Paris достигли совершенства красоты и стали такими, какими мы ихъ видимъ, благодаря усердію міровыхъ мастеровъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій. Въ свое время каждый изъ нихъ отдавалъ свою жизнь и лучшія творческія силы работѣ, священной лишь для него одного, и не подлежитъ сомнѣнію, что только ихъ общимъ подчиненіемъ единой, центральной и священной для нихъ идеѣ объясняется столь счастливое завершеніе этихъ «божественныхъ твореній». Идея о воздвиженіи храма своему Богу — она именно витала передъ глазами всѣхъ этихъ мастеровъ, осяняя ихъ творческимъ вдохновеніемъ; она именно и водила въ ихъ рукахъ циркулемъ, молоткомъ, рѣзцомъ и кистью, диктовала имъ каждый штрихъ и начертаніе и указывала каждый камень и кирпичъ, сложившіеся послѣдствіи, послѣ столѣтій труда разединенныхъ въ пространствахъ и времени людей, въ единое величественное зданіе. Евреи обладаютъ *своимъ* величественнымъ твореніемъ — святымъ и возвышеннымъ *днемъ*, «Принцессой — Саббатъ». Народное воображеніе превратило се въ живое, облеченное плотью существо,

въ совершенство красоты. Это — та Суббота, которую Богъ привелъ въ Свой міръ по окончаніи первотворенія, дабы, говоря словами древняго сказанія, разрисованный и разукрашенный міръ-балдахинъ воспріялъ подъ свою сѣнь невѣсту; та суббота, которая была драгоценностью Божіей въ Его извѣчной сокровищницѣ и для которой онъ нашелъ достойнаго жениха лишь въ лицѣ Израиля. По другому народному сказанію Суббота сидитъ, какъ принцесса, какъ «невѣста въ оправѣ своихъ подругъ», скрытая въ райскомъ чертогѣ за семью покоями, и шесть ея рабынь, шесть дней труда, прислуживаютъ ей. При ея вступленіи въ городъ всѣ обращаютъ къ ней свои взоры съ пороговъ своихъ и встрѣчаютъ ее привѣтствіемъ: «Гряди, невѣста, гряди, невѣста, суббота — королева!», а хасиды устраиваютъ ей встрѣчу въ открытомъ полѣ. Однажды она, грустная и омраченная, явилась во снѣ Ибнъ-Эзрѣ и вручила ему письмо къ своему избраннику-Израилю. Это знаменитая «грамота субботы». Всѣ еврейскіе поэты, отъ рабби Іегуды Галеви до Генриха Гейне, посвящали ей свои пѣсни и мелодіи. Развѣ она не совершенство сказочнаго, «агадическаго» произведенія? Развѣ она сама не является родникомъ жизни и святости для цѣлаго народа, источникомъ живого вдохновенія для поэтовъ и пѣвцовъ? И все же, кто скажетъ, кто разрѣшить вопросъ, чье она произведение и чему она обязана тѣмъ, чѣмъ она стала — Галахѣ или Агадѣ? Въ 524 страницахъ талмудической письменности, трактующихъ о субботѣ, агадическій матеріалъ почти совершенно отсутствуетъ. Эти страницы состоятъ преимущественно изъ галахическихкихъ разсужденій и деталей о тридцати девяти основныхъ работахъ, запрещенныхъ въ субботу, о развѣтвленіяхъ этихъ работъ и о точномъ установленіи предѣловъ того пространства, которое разрѣшается проходить въ день обязательнаго отдыха. Какой именно елей слѣдуетъ зажигать въ канунъ субботы, какіе именно предметы обременяютъ домашній скотъ, которому также повелѣно предоставить субботній отдыхъ, какъ устанавливаютъ «субботніе предѣлы» — сколько тутъ положено умственнаго труда, сколько тутъ потрачено остроты и тонкости на каждую мельчайшую деталь! Когда я перелистываю эти страницы и вижу передъ собою группы таннаевъ и амораевъ за работой, я говорю себѣ: поистинѣ художники жизни стоятъ передо мною, художники жизни, въ своей мастерской за работой! Такая колоссальная духовная работа, муравьиная и титаническая въ одно и тоже время, проникнутая любовью и безграничной вѣрой, невысказана безъ вдохновенія. Не иначе, какъ единая возвышенная идея, единый величественный образъ субботы носился передъ, глазами всѣхъ этихъ разъединенныхъ людей, и этотъ именно духъ субботы собралъ ихъ воедино

изъ ряда ноколѣній и сдѣлалъ ихъ соучастниками въ ся созиданіи и совершенствованіи. Всѣ эти своеобразныя діалектическія и казуистическія формулы, которыми пестрятъ талмудическіе дебаты по поводу соблюденія субботы, всѣ эти оградительныя и отграничительныя постановленія являются лишь все новыми художественными штрихами, дополнительными начертаніями на образѣ субботы, тѣми обязательными штрихами и начертаніями, безъ которыхъ она не могла бы стать тѣмъ, чѣмъ ей быть надлежитъ. И что явилось въ результатѣ всей этой кропотливой галахической работы, — день, весь *сотканный изъ Агады*. —

Такихъ примѣровъ немало. Таковъ Юмъ Кипуръ, такова Пасха, таковы и прочіе торжественные дни. Заключающійся въ нихъ элементъ красоты, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, очевиденъ. Всѣ они — прекрасныя произведенія, полны живого, оживляющаго содержанія и высокаго, возвышающаго смысла, несмотря на то, что всѣ они порождены строгой, жестокой Галахой и окружены со всѣхъ сторонъ галахическими «оградами». Въ то время, какъ художники другихъ народовъ сидѣли въ своихъ мастерскихъ и тонкимъ чутьемъ проникновенно устанавливали законы гармоніи въ ваятельномъ, напримѣръ, искусствѣ, имѣя въ виду услажденіе человѣческихъ чувствъ, въ это самое время еврейскіе мудрецы сидѣли въ своихъ школахъ и также вдохновенно, съ чрезвычайной яснымъ чутьемъ, устанавливали начала душевной гармоніи для *добрыхъ дѣяній*, имѣя этимъ въ виду украшеніе и улучшение самого человѣка, совершенствованіе людей. Мы не беремся судить, кому изъ нихъ надо отдать предпочтеніе. Мы только думаемъ, что какъ тамъ, такъ и тутъ, мы имѣемъ дѣло съ *творчествомъ*, съ воплотившимися идеями, съ идеалами, осуществленными въ дѣйствительности творческимъ духомъ человѣка; какъ тамъ, такъ и тутъ есть мѣсто для наиболѣе яркаго проявленія элементовъ красоты; какъ тамъ, такъ и тутъ нужны вдохновеніе и «Божія милость». Тутъ существуетъ только та же разница матеріала и средствъ, которая существуетъ и между отдѣльными отраслями общепризнанныхъ искусствъ, какъ, напримѣръ, между музыкой и живописью. Впрочемъ, есть еще и другая, существенная разница: произведенія общепризнанныхъ искусствъ, обращающіяся къ человѣку, какъ къ отдѣльному индивидууму и, какъ уже прежде указано, объединенныя и сконцентрированныя въ матеріалѣ, времени и пространствѣ, могутъ быть разсматриваемы сразу, въ одинъ пріемъ и на близкомъ разстояніи, между тѣмъ, какъ произведенія Галахи, обращающіяся также и ко всему коллективу и чрезвычайно разъединенныя отдѣльными своими частями въ матеріалѣ, времени и пространствѣ, могутъ восприниматься нашимъ созна-

ніемъ въ своей цѣльной формѣ, выявляющейся изъ всей совокупности ея составныхъ частей, лишь послѣ внимательнаго наблюденія и съ большой высоты. Если бы былъ воздвигнутъ большой городъ по величественному художественному замыслу архитектора-художника, мы могли бы познать цѣльный характеръ этого замысла и постичь совершенство его красоты лишь по его плану или съ высоты дозорной башни, но ужъ никоимъ образомъ не путемъ расхаживанія по отдѣльнымъ улицамъ, гдѣ детали заслоняютъ общее цѣлое. «Изъ-за деревьевъ не видно лѣса» есть древнее и мудрое изреченіе. Но уменьшается-ли изъ-за этого цѣнность и цѣльность самой идеи? Желаящему наслаждаться ею мы скажемъ: «взойди на гору»!

Бываетъ все же, что и одна галахическая деталь порою раскрываетъ намъ таящійся въ ней міръ, полный агадической прелести. Трактатъ о субботѣ и добавленіе къ нему приводятъ, между прочимъ, слѣдующую галаху: «Всѣ священныя книги слѣдуетъ спасти (въ субботу) отъ пожара... Если онѣ написаны въ переводѣ на какой бы то ни было языкъ-египетскій, мидійскій, пламискій, греческій — ихъ также надлежитъ спасти отъ пожара. Рабби Иоси говоритъ: «не слѣдуетъ спасать ихъ отъ пожара».

Маленькая галахическая деталь, споръ о незначительномъ предметѣ — не правда ли? Но кто станетъ отрицать, что эта маленькая и сухая галаха даетъ намъ въ чрезвычайной сжатой формѣ, но съ возможной полнотой, цѣльное образное представленіе объ историческомъ и душевномъ отношеніи различныхъ словесъ еврейскаго народа къ двумъ изъ наиболѣе важныхъ своихъ цѣнностей, — къ языку и литературѣ? Не очевидно-ли, что этотъ споръ въ «Мишнѣ» и есть та «распря языковъ», которая продолжается въ средѣ еврейства съ того времени вплоть до нынѣшняго дня? «Не пренебрегай арамейскимъ языкомъ, ибо Богъ оказалъ ему почтеніе». Да не молится человѣкъ на языкѣ арамейскомъ, необязательно для небесныхъ служителей». «Когда Богъ явился для дарованія Торы Израилю, онъ говорилъ съ нимъ на вѣдомомъ и понятномъ ему языкѣ, на языкѣ египетскомъ»; «такъ скажи... сынамъ Израиля — т. е. на языкѣ, на которомъ Я говорю, на святомъ языкѣ»; «когда Господь открылся для дарованія Торы Израилю, онъ открылся не на одномъ, а на четырехъ языкахъ — на еврейскомъ, латинскомъ, арабскомъ и арамейскомъ»; «тотъ день, когда Тора была переведена на греческій языкъ, былъ такъ же тяжелъ для Израиля, какъ и день содѣянія золотого тельца, а Палестина въ теченіе трехъ дней была тогда покрыта мракомъ»; «когда пророки были переведены Ионатаномъ бенъ-Узіелемъ на арамейскій языкъ, Палестина дрогнула на протяженіи четырехсотъ квадратныхъ парсъ». Такія и многія другія аналогичныя имъ изреченія, отражающія

раздвоеніе народнаго сердца, являются агадической формой проблемы языка; приведенная же лаконическая галаха, въ свою очередь также изложенная въ двухъ противорѣчивыхъ формулахъ, есть естественное превращеніе этой агады въ галахическій чеканъ, краткій практической итогъ въ резолютивной и категорической формѣ. Тамъ — подвижная, колыхающаяся и чувствительная «лирика», а тутъ — спокойный «эпосъ», твердое велѣніе. Чрезвычайно мудрый выборъ остановился тутъ на моментѣ пожара, на случаѣ замѣшательства и опасности, когда, лишенный возможности ориентироваться, человекъ исполняетъ велѣніе сердца и бросается спасать наиболѣе ему дорогое. Пожаръ, такимъ образомъ, является лишь примѣромъ, и эта галаха сохраняетъ свою силу и по отношенію къ наводненію, изгнанію и всякаго рода опасностямъ.

И такъ, эта незначительная деталь раскрываетъ передъ нами великое историческое правило, преподанное цѣлому народу, тѣсному, терзаемому въ изгнаніи, который не въ состояніи спасти всѣ свои цѣнности, а *пожертвовать* всѣмъ не желаетъ, — о томъ, какъ ему надлежитъ поступать въ день горя и опасности. Несомнѣнно, что авторы Мишны не выражались метафорически-поэтическимъ языкомъ. Они тутъ ставили себѣ одну лишь цѣль: установить правило для практическаго руководства въ буквальный смыслъ этихъ словъ и — самое большее — отлить въ отношеніи къ этому вопросу устойчивую форму для воли даже для образа дѣйствій еврейскаго народа, поскольку они проявлялись до сихъ поръ, первая — въ формѣ Агады, а послѣдній — въ формѣ добровольнаго дѣйствія. И тѣ тысячи отдѣльныхъ индивидовъ, которые въ различныя времена жертвовали собою въ минуты опасности для спасенія отъ гибели своихъ святынь, руководствуясь ли мнѣніемъ того танная, который распространялъ обязательность спасенія и на книги, написанныя на чужихъ языкахъ, или же взглядомъ рабби Юсси, признавашаго эту обязательность исключительно по отношенію къ книгамъ, написаннымъ на еврейскомъ языкѣ, — ничего другого не имѣли въ виду, кромѣ какъ исполненіе закона въ его подлинномъ смыслѣ. Но что же изъ этого? Сознательно или безсознательно они вѣдь всѣ исполняли велѣніе инстинкта самосохраненія, этого, по представленію нашихъ предковъ, ангела-покровителя еврейскаго народа. И если мы теперь стоимъ передъ нашимъ скуднымъ духовнымъ наслѣдіемъ и говоримъ грустными словами одной изъ нашихъ молитвъ: «ничего у насъ не осталось, кромѣ этой Торы», то мы вѣдь сознаемъ и чувствуемъ, что и это единственное наше достояніе обязано своимъ спасеніемъ никому иному, какъ тѣмъ же отдѣльнымъ индивидамъ, изъ которыхъ каждый въ свое время и на своемъ мѣстѣ выполнялъ велѣніе своего сердца, *согласно Галахѣ*.

Такого внутренняго проникновенія въ эту галаху уже достаточно для того, чтобы освободить ее въ извѣстной мѣрѣ отъ ея виѣшней скорлупы и возвести ее на степень символа. Но чуткое сердце не довольствуется этимъ: оно проводитъ передъ нашимъ духовнымъ взоромъ, въ связи съ этой галахой и предметомъ ея сужденія, одну картину за другою.

Мы вмѣстѣ съ Ренаномъ, видимъ, напимѣръ, древняго жреца или левита, идущаго въ числѣ изгнанниковъ въ Вавилонію. Онъ медленно подвигается рядомъ со своимъ осломъ, нагруженнымъ многочисленными свитками пророческихъ проповѣдей. Онъ спасъ священнос Писаніе отъ пожара.

И еще мы видимъ. Вотъ рабби Иохананъ бенъ-Заккай стоитъ передъ Веспасіаномъ за воротами Иерусалима и молить его: «дай мнѣ Явну съ ея мудрецами и родословную цѣпь рабби Гамліила. И онъ спасъ отъ пожара остатки еврейскихъ святынь.

И еще мы видимъ: въ эпоху Адриана, когда вражескія силы были направлены къ окончательному распыленію еврейства, и обрядъ рукоположенія, который могъ быть совершаемъ только на почвѣ Святой Земли, былъ, въ цѣляхъ духовнаго и національнаго разрушенія еврейства, объявленъ подъ строжайшимъ запретомъ, восьмидесятилѣтній старикъ, рабби Іегуда бенъ-Баба проявляетъ актъ исключительнаго героизма. Такъ какъ каждый городъ, въ предѣлахъ котораго обнаруживалось тайное совершеніе обряда рукоположенія, долженъ былъ подвергнуться разрушенію, то онъ избираетъ себѣ мѣсто между двумя горами, между Уша и Шеферамъ, гдѣ онъ и рукополагаетъ подъ вражескими стрѣлами пять старцевъ, говоря имъ по окончаніи обряда: «бѣгите, дѣти мои!» Онъ же самъ недвижимо остается передъ лицомъ враговъ; еще минута — и онъ будетъ весь изрѣшетенъ стрѣлами.

И еще: лихорадочно работаетъ школа рабби Іегуды Ганасси и его учениковъ; всѣ заняты большимъ, интенсивнымъ трудомъ. Собираютъ галахи, выясняютъ значеніе устныхъ законовъ, производятъ опросы свидѣтелей о практическомъ примѣненіи извѣстныхъ положеній, систематизируютъ, корректируютъ, записываютъ, запечатлѣваютъ въ письмѣ Устное Ученіе! Они сознаютъ всю «революціонность» своей работы по отношенію къ еврейской традиціи. Устное Ученіе не дозволено записывать, но — «время дѣйствовать за Господа», ибо сердца оскудѣваютъ, разсѣяннѣе увеличивается, а память, призванная быть хранилищемъ Уснаго Ученія, ослабѣваетъ. Надо спасать все то, что поддается спасенію.

И еще: четверо плѣнныхъ приносятъ съ собою Талмудъ въ Испанію... Труды Маймонида... плеяда переводчиковъ, ибо Тиббоны, торопящіеся переводить драгоцѣнные произведенія, имѣющія